

Słownik prasłowiański, t. III (*davъnъ — dobrati*). Wrocław—Warszawa—Kraków—Gdańsk, 1979. 332 с.

Начатую в 1974 г. публикацию «Праславянского словаря» продолжил настоящий том III этого словаря, вышедший через три года после II тома. В рецензируемом ныне томе заключается часть славянской лексики на *D*, которое настоящим томом не кончается.

Словарь, будучи близок по некоторым своим основным задачам нашему издаваемому параллельно «Этимологическому словарю славянских языков», постоянно привлекает наше внимание. Предыдущие два тома «Праславянского словаря» также отрецензированы нами в ежегоднике «Этимология».

Новый том открывается дополнительным списком источников и литературы, после которого помещено продолжение «Очерка праславянского словообразования» — дальнейшее обозрение моделей именного словообразования, его проблематики и литературы, в данном случае — производных с суффиксом *-et-*. Отметим, что в очерке относятся сюда традиционно русские уменьшительные личные имена типа *Володя, Ваня, Коля, Петя*, хотя уже их акцентологическая характеристика принципиально отличает их от имен на *-et-*, как известно, несущих старое ударение на суффиксе. В связи с этими производными автор одинаково привлекает как балтийские имена на *-ēna-*, так и славянские *nomina originis* на *-ēn-inъ*, — проблема, которую мы предполагаем подробно рассмотреть в другом месте.

Но главный интерес вызывает сам словарь, лексика славянских языков в праславянской реконструкции, подаваемая в настоящем III томе значительно более экстенсивно, чем в рассмотренных нами ранее первых двух томах. Нас не может при этом, естественно, не интересовать самым острым образом опыт трактовки праславянской лексики в «Праславянском словаре» в сравнении с нашим собственным опытом в «Этимологическом словаре славянских языков». Необходимо отметить сейчас исключительно широкий охват лексики в «Праславянском словаре». Например, в рассматриваемом отрезке алфавита (*davъnъ — dobrati*) «Праславянский словарь» включает слова *debeliti, debelъsъ, debel'akъ, debel'astъ, debel'ucha, debel'uchъ, debel'uša, deračъ, deravъ, derępati, derikoža, dernatъ, dernika, dernina, dernovišće* (с пометой «*Prasłowiańskość niepewna*»), *dernovitъ, dernovъka, dernovъsъ, dernъka, dernъkъ, dernъje, dernъskъ, dern'akъ, dern'ъ, dervakъ, dervatъ* (здесь же помещены несколько особые *dervitъ, dervistъ*, с общим заключением: «*Prasłowiańskość poszczególnych postaci niepewna*»), *dervę, dervęga, dervěněti, dervěnica, dervěnikъ, dervěnъka, dervěnъsъ, derъsъ* и многие другие (список можно продолжить), которые отсутствуют в Этимологическом словаре славянских языков (сравни-

мый отрезок алфавита на *D* опубликован в выпусках 4 и 5 последнего). Причина, похоже, заключена в несколько более жесткой концепции (о четких критериях здесь говорить не всегда легко) праславянской лексико-словообразовательной реконструкции в ЭССЯ сравнительно с новым томом ПС (предыдущие тома последнего лексически заметно беднее). Разумеется, речь идет как правило о производных и о производных от производных, ср. *dernovišče*, *dernovitъ*, о субстантивациях прилагательных *dervēnica*, *dervēnikъ*, *dervēnъka*, *dervēnъсь*, т. е. скорее о фактах словообразования, чем лексике. Иногда речь идет о явных фактах грамматики, например ПС имеет как словарную позицию причастие *derqt'ь*, *derqt'a* (так! следовало дать *derqt'i*, ж. р.), *derqt'e* 'де-рущий, рвущий, -ая, -ее', что принципиально не практикуется в ЭССЯ. Откровенная ставка на избыточное отражение славянской лексики в III томе ПС, конечно, делает его содержание более богатым как с р а в н и т е л ь н о г о словаря славянских языков, но проблема праславянской лексической реконструкции продолжает стоять перед нами. Насколько при этом мы продвигаемся в решении этой проблемы? Все дело в том, как мы ее понимаем: видим ли мы при этом свою задачу в том, чтобы транспонировать фонетически большинство исконнославянских слов и их производных в праславянские формы или все-таки надо искать критерии отбора. Вопрос это трудный, трудность его показывает именно сравнение ПС и ЭССЯ. Автор настоящей рецензии понимает условность многих конкретных решений относительно праславянской принадлежности слов также в ЭССЯ.

В этой краткой рецензии мы вынуждены почти не касаться частных вопросов формально-фонетической реконструкции, хотя и здесь почти неизбежны расхождения между ПС и тем, как это сделано у нас. Более интересны, конечно, случаи, когда формально-фонетическое связано со словообразовательно-лексическим и с определяемыми моментами относительной хронологии. Яркие примеры здесь назвать нелегко. Конечно, мы еще решительнее, чем ПС (с. 95), готовы забраковать реконструкцию *dežela (по сути — формальную транспозицию соответствующего словенского слова) и даже *dŕžabъ*, *dŕžal'a*, поскольку кажется предпочтительнее говорить здесь о праслав. *dŕžava. Сомнительна праславянская древность реконструкции *děduga*, *děduganъ* (с. 117; следуя ПС, мы приводим все эти формы без звездочек, в отличие от нашей практики); реконструкция праслав. *dětinъ* (с. 168—169) избыточна словообразовательно: дважды фигурирующий в ней адъективный формант с -*n*- позволяет отнести по крайней мере второе -*n*- к моменту забвения первичной адъективности *dětinъ*, т. е. к позднему периоду.

Необходимо отметить, что в настоящем III томе мы имеем дело с исключительно тщательным и добросовестным лексикографическим трудом. Особо ценно, что пропуски соответствий по отдельным славянским языкам внутри словарных статей относятся скорее к исключениям. Бесспорно, выход нового тома является успехом большой работы целого коллектива кабинета праславянского языка Института славяноведения Польской академии наук. Не так уж много встретили мы ошибок или неточностей в анализе словообразования. Здесь можно назвать лишь единичные поправки, например рус. *ди́коватый* (в ПС, с. 205, почему-то: «*dial.*») определяется как производное от глагола *ди́ковать*; ясно, что на самом деле это прилагательное от прилагательного: *дикий* → *диковатый*.

Источники ПС постоянно расширяются, ср. ранее не отмечавшееся обращение к рукописным картотекам (с. 53: картотека ст.-польск. словаря). Установка на полноту, однако, не означает отсутствия пропусков. Так, в ПС, в свою очередь, нет словарных статей *derbati, *derča, *der-višče, *dervosěkъ, *dervotočъ, *děgati, *děkovati (se), *děloga | *dětologa, *dělqтка, *diza, *dobresti, *dobriло/la/lъ. Укажем лишь на древнесловообразовательный и этимологический характер части этих случаев, включенных в ЭССЯ.

Что касается этимологий, то спорить с ПС означало бы спорить с традицией, а эта задача уже выходит за рамки небольшой рецензии. Ограничимся поэтому одним—двумя замечаниями. Афг. *l* в слове *lēwar* не может свидетельствовать против диалектного характера перехода *d > l* в лат. *lēvir* (см. ПС, с. 180, s. v. *dēverъ*), потому что переход др.-иран. *d > l* как раз характерен для афганского языка. Напоследок — одно наблюдение не столько по этимологии и реконструкции, сколько по уточненной идентификации формы слова в древнем тексте. На с. 172 ПС содержит позицию *děty* 2. *děti* m. 'mówca, orator' (?). Wyraz pierewny. Tylko w strus. *đěti* pl.: ни соуѣди, ни дѣти, ни срѣдоболи оѣте гѣйтѡв, оѣте рѣтѡр, оѣте суγγевѣс: — Не должны ли мы, опираясь на греческую параллель (ρήτωρ), читать это место Златооструя в единственной цитате у Срезневского (I, 794—795) скорее как *ѣѣти*(u)?

О. Н. Трубачев

Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979, 640 с., 119 карт (= Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Beiheft 17)

Пафос рецензируемой работы и вся ее суть — в ее подзаголовке: «Материал к вопросу о прародине славян». Эта внушительная книга в 640 страниц офсетной печати представляет собой диссертацию молодого геттингенского лингвиста Юргена Удольфа, с которым автор настоящей рецензии имел случай познакомиться лично во время своего краткого пребывания в Геттингене в мае 1977 г. Ю. Удольф показывал мне многие из своих карт славянской гидронимии; он был очень увлечен исследованием и сказал: «Мне кажется, я нашел прародину славян». Я постоянно вспоминал эту гордую фразу потом, когда читал вышедшую из печати книгу. Книга Удольфа — большое и в целом очень тщательно выполненное исследование. Для его подготовки автор проделал поистине титаническую собирательскую работу. Достаточно сказать, что для этого он просмотрел и расписал на карточки примерно 4.500 (!) монографий и журнальных статей (Udolph J. Op cit.,